

ТИПОЛОГИЯ БИБЛЕЙСКИХ ЦИТАТ В ПОЭМЕ А. А. АХМАТОВОЙ «РЕКВИЕМ»

Иван Павлович Рубцов

Студент 2 курса бакалавриата
Сретенской духовной академии
107031, Москва, Большая Лубянка 19, стр. 3,
Сретенская духовная академия
vanusharu@mail.ru

Для цитирования: *Рубцов И. П.* Типология библейских цитат в поэме А. А. Ахматовой «Реквием» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 1 (10) С. 70–78. DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.005

Аннотация

УДК 82.091 (27-29)

Статья посвящена анализу типологии библейских цитат в поэме А. Ахматовой «Реквием». Основное внимание уделено классификации цитат на основе их функций и методов включения в текст: от прямых цитирований до скрытых аллюзий. Рассматривается, как различные виды библейского цитирования — парафразы, реминисценции, используются поэтом для передачи глубины личной и коллективной трагедии. Исследование также затрагивает использование А. Ахматовой специфических библейских образов, которые являются ключевыми для понимания ее творческого замысла и идейной наполненности произведения.

Ключевые слова: «Реквием» А. Ахматовой, Священное Писание, гимнография, типология библейских цитат, парафраз, реминисценция, библейские образы, библейские мотивы, творчество.

Typology of Biblical Quotations in A. A. Akhmatova's Poem «Requiem»

Ivan P. Rubtsov

Student of the 2nd year of Bachelor's Degree

Sretenskaya Theological Academy,

Bolshaya Lubyanka 19c3, Moscow,

107031, Russia

vanusharu@mail.ru

For citation: Rubtsov, Ivan P. "Typology of biblical quotations in A. A. Akhmatova's poem 'Requiem'". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (10), 2024, pp. 70–78 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.005

Abstract. The article is aimed to analyze the of the typology of biblical quotations in Anna Akhmatova's poem «Requiem». It focuses on classifying quotations based on their functions and methods of integration into the text, ranging from direct citations to hidden allusions. The study explores how various forms of biblical citation, such as paraphrases and reminiscences, are used by the poet to convey the depth of personal and collective tragedy. The research reveals that these quotations serve not only as cultural references but also as means to convey the emotional content of the poem, adding to it multi-layered meanings. The study also delves into Akhmatova's use of specific biblical images, which are crucial for understanding her creative concept and the depth of the work's idea.

Keywords: Akhmatova's «Requiem», Sacred Scripture, hymnography, typology of biblical quotations, paraphrase, reminiscence, biblical images, biblical motifs, creativity.

В поэме А. Ахматовой «Реквием», которая является частью ее третьего творческого периода¹, прослеживается глубокая связь с библейскими мотивами. Она начала работу над этим произведением в 1934 г., завершив его в 1940 г.² Создание «Реквиема» было вызвано личными трагедиями поэта — прежде всего расстрелом мужа и арестом сына. Эти события, оказавшие глубокое воздействие на А. Ахматову, особенно в контексте религиозных убеждений, нашли отражение в ее творчестве.

Само название поэмы «Реквием» уже адресует к религиозному дискурсу, а слова, описывающие произведение как «четырнадцать молитв»³, подчеркивают эту связь. Исследователи обращают внимание на использование библейских образов и цитат в тексте⁴, что можно считать вполне обоснованным. В частности, Ю. Тынянов в своей статье «Промежуток» указывает на важность Библии как источника вдохновения для А. Ахматовой: «Библия, лежавшая на столе, бывшая аксессуаром комнаты, стала источником образов»⁵.

Можно выделить два основных способа использования библейских цитат в «Реквиеме»: парафраз, то есть авторская переработка текста, переложение прозаического текста в стихотворный⁶, и реминисценция с аллюзиями, понимаемая как черты, наводящие на воспоминание о другом произведении, заимствование автором чужих образов или ритмико-синтаксических ходов, что чаще всего бывает следствием ритмической памяти⁷.

Парафраз чаще всего применяется для цитат из Евангелий, в то время как реминисценция и аллюзии относятся к цитатам из Ветхого Завета и Апокалипсиса Иоанна Богослова. Эти приемы помогают А. Ахматовой передать глубину своего переживания и связь с библейскими темами, а также оценить, как она осмысляет трагедию матери и трагедию поэта.

В «Реквиеме» А. Ахматовой особое внимание уделяется использованию парафразы. Поэма отражает трагический путь поэта, напоминающий

1 *Хейт А.* Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М., 1991. С. 243.

2 Там же. С. 243.

3 *Кушнер А. С.* У Ахматовой // Ахматовские чтения. Вып. 3. М., 1992. С. 136.

4 *Бурдина С. В.* Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 3.

5 *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука 1977. С. 449.

6 Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1596.

7 Краткая литературная энциклопедия. В девяти томах. Т. 6. М., 1971. С. 254.

Крестный путь, с акцентом на аресте ее сына — Льва Гумилева. Это событие, вызванное, как предполагается, лишь тем, что его отец уже был арестован, углубило материнскую боль А. Ахматовой.

В «Реквиеме» чувствуется атмосфера неизбежности и предопределенности, что особенно заметно в описании сцен у Распятия. А. Ахматова использует парафраз для глубокого отображения подобных моментов, при этом она не может ничего не добавить к словам Евангелия или усечь их, обращая внимание на величественное описание событий, как в словах «Хор ангелов великий час восславил»⁸, и глубокое материнское переживание. Сильное эмоциональное воздействие достигается также через описание Марии Магдалины, чьи слезы и боль подчеркивают страдание, а упоминание «туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел»⁹, усиливает образ материнской скорби и одиночества.

Глава «Распятие», рассматриваемая исследователями как кульминационная¹⁰, прямо отсылает к тексту Писания, что закреплено уже в эпитафии: «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи»¹¹. Делая эпитафией слова из ирмоса девятой песни канона службы Великой Субботы¹², А. Ахматова, по сути, соединяет Страдания распятого Сына и присутствующей при казни Матери в единый емкий и пронзительный художественный образ. Тем самым получает свое обоснование и композиция главы: объектом ее первого фрагмента оказывается Сын, объектом второго — Мать.

При этом С. В. Бурдина считает не состоятельной мысль Е. Г. Эткинды¹³, который писал, что обе картины «Распятия» «в большей степени восходят к обобщенным живописным образцам, нежели к евангельскому первоисточнику»¹⁴.

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто меня оставил?»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»¹⁵.

8 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 28.

9 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 28.

10 Бурдина С. В. Библийские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 6.

11 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 28.

12 Триодь постная. Ч. 1. М., 2015. С. 514.

13 Алексеев В. А. А. А. Ахматова и православие. М., 2008. С. 191.

14 Эткинд Е. Г. Бессмертие памяти: Поэма Анны Ахматовой «Реквием». СПб., 1997. С. 358.

15 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 28.

Ориентация на библейский текст чувствуется уже в первых строках фрагмента — в описании природных катаклизмов, сопровождающих казнь Христа. В Евангелии от Луки можно прочитать: «И сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась посередине» (Лк. 23, 44–45). Адресованный Отцу вопрос Иисуса «Почто меня оставил?» также восходит к Евангелию, являясь почти цитатным воспроизведением слов распятого Христа: «В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? — что значит: Боже мой! Боже мой! для чего ты меня оставил?» (Мк. 15, 34). Слова «О, не рыдай Мене...», обращенные к матери, заставляют вспомнить эпиграф к главе, оказываясь одновременно и неточной цитатой из Евангелия. Сопровождавшим Его на казнь и сострадающим Ему женщинам Иисус говорит: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших» (Лк. 23, 27–28). Другими словами, четвертая строка поэтического фрагмента представляет собой контаминацию евангельского текста и цитаты из ирмоса канона Великой Субботы¹⁶, ставшей эпиграфом к главе «Распятие».

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

В десятом стихотворении цикла «Реквием» А. Ахматовой, озаглавленном «Распятие», поэтесса создает мощное образное полотно, воссоздавая сцену у Креста. Здесь вместе с Матерью предстают Иоанн и Мария Магдалина, каждый из которых символизирует свой уровень и характер страданий. Мария Магдалина отражает мятежное страдание, связанное с активным внутренним протестом, напоминая о страданиях жен расстрелянных. Иоанн же изображен в состоянии тихого оцепенения, когда человек пытается подавить свою память, стремясь к бесцветной пустоте, чтобы выдержать потерю смысла жизни.

В этом контексте замечание, что «обращение к образу Божией Матери помогло Ахматовой обозначить истинный масштаб происходящего, подлинную глубину горя и страдания»¹⁷, представляется особенно важным. Используя библейские образы и цитаты, такие как «при кресте Иисуса стояла Мать Его...» и «Иисус, увидев Мать и ученика тут

16 Триодь постная. Ч. 1. М., 2015. С. 514.

17 Бурдина С. В. Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 7.

стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Мать твоя!» (Ин. 19, 25–27), А. Ахматова превращает личную трагедию в универсальную, создавая монументальное эпическое обобщение.

И для нее образ Богоматери выступает образцом отношения к любому горю, скорбям разных масштабов.

А. Ахматова в «Реквиеме» творчески переосмысливает библейские образы, делая их отголоском своих собственных переживаний. Образ Богоматери, в частности, она использует как символ универсального принятия горя и скорби, проецируя на него свое личное страдание, вызванное потерей сына. Этот образ становится для поэта образцом отношения к любому горю, как великому, так и малому.

Парафразируя библейские тексты, А. Ахматова выстраивает твердую аналогию между жизнью Богоматери и своей собственной, подчеркивая силу и глубину материнского переживания. Можно даже говорить о том, что в новой ахматовской трагедии смерть сына влечет за собой кончину матери¹⁸. Используя парафраз, она не прибегает к поэтическому переосмыслению событий евангельской истории и лишь вносит их в свое произведение как наиболее полное отражение ее чувств.

Совсем иначе и с другой целью применяется реминисценция. Особую роль в «Реквиеме» играет тема 136-го псалма, отражающего страдания народа, плененного безбожной властью: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы» (Пс. 136: 1–2). Данная тема воплощает образ вынужденного молчания, «повешенной лиры», который находит свое отражение и актуализацию в «Эпилоге» поэмы¹⁹. Там, где говорится «и если зажмут мой измученный рот, / Которым кричит сто-миллионный народ», поэт находит параллели с образом повешенных арф из псалма (Пс. 136, 3), тем самым усиливая эмоциональное воздействие своего произведения.

В «Реквиеме» мотив 136-го псалма «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?..» является ключевым, пронизывая все произведение и отражая беспомощность и отчаяние, вызванные страшными реалиями времен. С. В. Бурдина акцентирует внимание на том, что образ Ленинграда в поэме предстает как разоренная, «земля чужая», где

18 *Лейдерман Н. Л.* Бремя и величие скорби («Реквием» в контексте творческого пути Анны Ахматовой). Екатеринбург, 1996. С. 211.

19 *Бурдина С. В.* Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 7.

невозможно петь, где город превратился в «одичалый»²⁰. Указанный образ находит прямую связь с библейскими текстами, в частности, с отрывком из пророка Софонии, где описывается разоренный город, лишенный жителей и жизни (Соф. 1: 15).

В контексте поэмы образ одичалого города усиливает апокалиптическое видение мира, которое А. Ахматова выстраивает в своем произведении. Здесь особенно важна символика звезды. С. В. Бурдина проводит аналогии между библейскими текстами и поэмой, отмечая, что в библейской традиции звезда часто ассоциируется с ангелами, а Сатана, будучи архангелом, уподобляется «деннице», то есть яркой звезде (Ис. 14: 12). В «Реквиеме» застывшая звезда становится центральным символом, предвещающим конец мира и символизирующим смерть. Этот образ звезды смерти, описываемый в стихах о России, страдающей под «кровавыми сапогами» и «под шинами черных марусь», а также звезды, «глядающей прямо в глаза» и угрожающей «скорой гибелью», усиливает ощущение безысходности и трагедии²¹.

Застывшая звезда, являясь в поэме основным символом предстоящего конца мира, напрямую заявляется автором как символ смерти.

Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь²².

И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда²³.

Присутствует перекичка — с применением реминисценции, со стихами О. Мандельштама²⁴, о трагической судьбе которого А. Ахматова хорошо знала.

В «Реквиеме» присутствуют ярко выраженные апокалиптические мотивы, которые связываются с образами и символами из библейского Апокалипсиса (Откр. 9: 2). Предшествующая появлению звезды картина, описывающая остановку течения реки, смещение гор,

20 Бурдина С. В. Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 8.

21 Там же. С. 9.

22 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 23.

23 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 25.

24 Мандельштам О. Сочинения. В двух томах. Т. 1. М., 1990. С. 144.

«помраченное» солнце, является недвусмысленной аллюзией на апокалиптические события.

«Солнце ниже и Нева туманней» рассматривается как скрытая цитата из Апокалипсиса: «И помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязи» (Откр. 9: 3) и «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба» (Мф. 24: 29).

Далее в поэме образы большой звезды, горящей подобно светильнику, и звезды, падшей с неба на землю, снова отсылают к библейским текстам: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод» (Откр. 8, 10) и «Пятый Ангел вострубил, и я увидел Звезду, падшую с неба на Землю, и дан ей был ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. Из дыма вышла саранча на Землю» (Откр. 9: 1–3).

С. В. Бурдина также предполагает: в контексте ахматовского текста образ звезды может ассоциироваться с кремлевскими звездами, ставшими универсальным символом эпохи сталинского террора. Эта ассоциация не отрицает, а скорее подчеркивает библейский контекст поэмы как основной и решающий в интерпретации образа. Кремлевские звезды, символизирующие место, где «угнездились» тиран, в эпоху 30-х годов напрямую ассоциировались со смертью и угрозой наступления Апокалипсиса, что делает ассоциации понятными и близкими, органично вписывающимися в библейский контекст поэмы²⁵.

Звезды смерти стояли над нами²⁶.

И прямо мне в глаза глядит

И скорой гибелью грозит

Огромная звезда²⁷.

А. Ахматова, сталкиваясь с необходимостью выразить свое личное горе в поэме «Реквием», обращается к евангельской истории, которая для нее является абсолютным и неизменным текстом. Она не стремится добавить или сократить что-то в этом священном нарративе, а использует его как основу для выражения своих собственных переживаний. В этом контексте поэт прибегает к парафразу как основному

25 Бурдина С. В. Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 10.

26 Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. С. 23.

27 Там же. С. 23.

приему цитирования, что позволяет ей сохранить целостность библейского текста, в то же время делая его отголоском собственных чувств и переживаний.

В то время как личное горе вызывает у А. Ахматовой мощную эмоциональную реакцию, народное горе, хоть и важно для нее, не оказывает столь же глубокого воздействия. Поэтому, когда речь заходит об исторических событиях, находящихся на определенном хронологическом расстоянии от нее, она способна переосмысливать их и формировать поэтические образы и ощущения на основе библейского ветхозаветного текста, используя реминисценции. Для А. Ахматовой данные события являются материалом для творчества, в них она находит общность и включает это в свою поэтическую картину мира.

Источники

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2011. 1184 с.
- Ахматова А. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 3. М., 1998. 768 с.
- Краткая литературная энциклопедия. В девяти томах. Т. 6. М., 1971. 520 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. 799 с.
- Мандельштам О. Сочинения. В двух томах. Т. 1. М., 1990. 637 с.
- Триодъ постная. Ч. 1. М., 2015. 704 с.

Литература

- Алексеев В. А. А. Ахматова и православие. М., 2008. 527 с.
- Бурдина С. В. Библейские образы и мотивы в поэме А. Ахматовой «Реквием» // Филологические науки. 2001. № 6. С. 3–12.
- Кушнер А. С. У Ахматовой // Ахматовские чтения. Вып. 3. М., 1992. С. 136–143.
- Лейдерман Н. Л. Бремя и величие скорби («Реквием» в контексте творческого пути Анны Ахматовой). Екатеринбург, 1996. 366 с.
- Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 574 с.
- Хазан В. И. Материалы к спецкурсу «Из истории русской поэзии Серебряного века». Вып. 1. Грозный, 1992. 254 с.
- Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М., 1991. 382 с.
- Эткинд Е. Г. Бессмертие памяти: Поэма Анны Ахматовой «Реквием». СПб., 1997. 568 с.